

Благодаря популярности, какою пользуется имя нашего гениальнаго писателя, его „Крейцера соната“ быстро распространилась по всему просвѣщенному міру и всюду начала производить различнаго рода броженія. Особенныя дѣйствія „соната“ имѣла въ кружкахъ молодежи. „Одни, — говоритъ Преображенскій, — въ развратномъ героѣ разсказа увидали свою фотографію и общностью паденія вздумали оправдать себя; для другихъ разсказъ явился предостереженіемъ, побужденіемъ обратиться внутрь себя и, на время удалившись отъ лихорадочно-нервной погои за мелочными и эгоистическими интересами, оглянуться вокругъ себя и взглянуть на свою жизнь съ трезвой нравственной точки зрѣнія; третьи не повѣрили автору и, обвинивъ его въ преувеличеніяхъ, продолжаютъ почитать въ блаженномъ невѣдѣніи относительно истинной сущности христіанскаго брака; — для четвертыхъ, наконецъ, „Крейцера соната“ сослужила неожиданно для себя полезную службу, укрѣпивъ ихъ въ ихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ“. (стр. 7—8 въ брош. Преображенскаго „Христіанскій бракъ“). Если согласиться съ подобнымъ дѣйствіемъ „Крейцеровой сонаты“ на общество, то дѣйствіе ея, оказывается, далеко не незначительно. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ вліяніе ея таково, что заставляетъ человѣка вдуматься, оглянуться на себя, посмотреть съ птичьяго полета на свою собственную жизнь. Чего еще больше можно требовать отъ литературнаго произведенія?

Но нельзя не замѣтить въ обществѣ странной двойственности въ пониманіи послѣдняго беллетристическаго произведенія гр. Толстого. Мы слышали и слышимъ по поводу „Крейцеровой сонаты“ самыя противоположныя выводы, самыя разнорѣчивыя разсужденія. Что, собственно, хотѣлъ сказать и сказалъ своею „сонатой“ гр. Толстой, оставалось невыясненнымъ для его многочисленныхъ читателей и послѣдователей до тѣхъ поръ, пока не явилось къ ней „Послѣловія“. Но не многіе удовлетворились и „Послѣловіемъ“, потому что не